

Андрей Платонов

МАЛЕНЬКИЙ СОЛДАТ

Недалеко от линии фронта внутри уцелевшего вокзала сладко храпели уснувшие на полу красноармейцы. Счастье отдыха было запечатлено на их усталых лицах.

На втором пути тихо шипел котёл горячего дежурного паровоза, будто пел однообразный, успокаивающий голос из давно покинутого дома. Но в одном углу вокзального помещения, где горела керосиновая лампа, люди изредка шептали друг другу успокаивающие слова, а затем и они впали в безмолвие.

Там стояли два майора, похожие один на другого не внешними признаками, но общей добротой морщинистых загорелых

лиц; каждый из них держал руку мальчика в своей руке, а ребёнок умоляюще смотрел на командиров. Руку одного майора ребёнок не отпускал от себя, прильнув затем к ней лицом, а от руки другого осторожно старался освободиться. На вид ребёнку было лет десять, а одет он был как бывалый боец — в серую шинель, обношенную и прижавшуюся к его телу, в пилотку и в сапоги, пошитые, видно, по мерке на детскую ногу. Его маленькое лицо, худое, обветренное, но не истощённое, приспособленное и уже привычное к жизни, обращено было теперь к одному майору, светлые глаза ребёнка ясно обнажали его грусть, словно они были живую

поверхностью его сердца, он тосковал, что разлучается с отцом или старшим другом, которым, должно быть, доводился ему майор.

Второй майор привлекал ребёнка за руку к себе и ласкал его, утешая, но мальчик, не отымая своей руки, оставался к нему равнодушным. Первый майор тоже был опечален, и он шептал ребёнку, что скоро возьмёт его к себе и они снова встретятся для неразлучной жизни, а сейчас они расстанутся на недолгое время. Мальчик верил ему, однако и сама правда не могла утешить его сердца, привязанного лишь к одному человеку и желавшего быть с ним постоянно и вблизи, а не вдалеке. Ребёнок знал уже, что такое даль расстояния и время войны, — людям оттуда трудно вернуться друг к другу, поэтому он не хотел разлуки, а сердце его не могло быть в одиночестве, оно боялось, что, оставшись одно, умрёт. И в последней своей просьбе и надежде мальчик смотрел на майора, который должен оставить его с чужим человеком.

— Ну, Серёжа, прощай пока, — сказал тот майор, которого любил ребёнок. — Ты особо-то воевать не старайся, подрастёшь, тогда будешь. Не лезь на немца и береги себя, чтоб я тебя живым, целым нашёл. Ну чего ты, чего ты — держись, солдат!

Серёжа заплакал. Майор поднял его к себе на руки и поцеловал лицо несколько раз. Потом майор пошёл с ребёнком к выходу, и второй майор тоже последовал за ними, поручив мне сторожить оставленные вещи.

Вернулся ребёнок на руках другого майора; он чуждо и робко глядел на командира, хотя этот майор уговаривал его нежными словами и привлекал к себе как умел.

Майор, заменивший ушедшего, долго увещевал умолкшего ребёнка, но тот, верный одному чувству и одному человеку, оставался отчуждённым. Невдалеке от станции начали бить зенитки. Мальчик вслушался в их гулкие мёртвые звуки, и во взоре его появился возбуждённый интерес.

— Их разведчик идёт! — сказал он тихо, будто самому себе. — Высоко идёт, и зенитки его не возьмут, туда надо истребителя послать.

— Пошлют, — сказал майор. — Там у нас смотрят.

Нужный нам поезд ожидался лишь завтра, и мы все трое пошли на ночлег в общежитие. Там майор покормил ребёнка из своего тяжело нагруженного мешка. «Как он мне надоел за войну, этот мешок, — сказал майор, — и как я ему благодарен!» Мальчик уснул после еды, и майор Бахичев рассказал мне про его судьбу.

Сергей Лабков был сыном полковника и военного врача. Отец и мать его служили в одном полку, поэтому и своего единственного сына они взяли к себе, чтобы он жил при них и рос в армии. Серёже шёл теперь десятый год; он близко принимал к сердцу войну и дело отца и уже начал понимать по-настоящему, для чего нужна война. И вот однажды он услышал, как отец говорил в блиндаже с одним офицером и заботился о том, что немцы при отходе обязательно взорвут боезапас его полка. Полк до этого вышел из немецкого охвата, ну с поспешностью, конечно, и оставил у немцев свой склад с боезапасом, а теперь полк должен был пойти вперёд и вернуть утраченную землю и своё добро на ней, и боезапас тоже, в котором была нужда. «Они уж и провод в наш склад, наверно, подвели — ведают, что отойти придётся», — сказал тогда полковник, отец Серёжи. Сергей вслушался и сообразил, о чём заботился отец. Мальчику было известно расположение полка до отступления, и вот он, маленький, худой, хитрый, прополз ночью до нашего склада, перерезал взрывной замыкающий провод и оставался там ещё целые сутки, сторожа, чтобы немцы не исправили повреждения, а если исправят, то чтобы опять перерезать провод. Потом полковник выбил оттуда немцев, и весь склад целый перешёл в его владение.

Вскоре этот мальчуган пробрался подалее в тыл противника;

там он узнал по признакам, где командный пункт полка или батальона, обошёл поодаль вокруг трёх батарей, запомнил всё точно — память же ничем не порченная, — а вернувшись домой, показал отцу по карте, как оно есть и где что находится. Отец подумал, отдал сына ординарцу для неотлучного наблюдения за ним и открыл огонь по этим пунктам. Всё вышло правильно, сын дал ему верные засечки. Он же маленький, этот Серёжка, неприятель его за суслика в траве принимал: пусть, дескать, шевелится. А Серёжка, наверно, и травы не шевелил, без вздоха шёл.

Ординарца мальчишка тоже обманул, или, так сказать, совратил: раз он повёл его куда-то, и вдвоём они убили немца — неизвестно, кто из них, — а позицию нашёл Сергей.

Так он и жил в полку при отце с матерью и с бойцами. Мать, видя такого сына, не могла больше терпеть его неудобного положения и решила отправить его в тыл. Но Сергей уже не мог уйти из армии, характер его втянулся в войну. И он говорил тому майору, заместителю отца, Савельеву, который вот ушёл, что в тыл он не пойдёт, а лучше скроется в плен к немцам, узнает у них всё, что надо, и снова вернётся в часть к отцу, когда мать по нему соскучится. И он бы сделал, пожалуй, так, потому что у него воинский характер.

А потом случилось горе, и в тыл мальчишку некогда стало отправлять. Отца его, полковника, серьёзно ранило, хоть и бой-то, говорят, был слабый, и он умер через два дня в полевом госпитале. Мать тоже захворала, затомилась — она была раньше ещё поувечена двумя осколочными ранениями, одно было в полость — и через месяц после мужа тоже скончалась; может, она ещё по мужу скучала... Остал-

ся Сергей сиротой.

Командование полком принял майор Савельев, он взял к себе мальчика и стал ему вместо отца и матери, вместо родных — всем человеком. Мальчик ответил ему тоже всем сердцем.

— А я-то не из их части, я из другой. Но Володю Савельева я знаю ещё по давности. И вот встретились мы тут с ним в штабе фронта. Володю на курсы усовершенствования посылали, а я по другому делу там находился, а теперь обратно к себе в часть еду. Володя Савельев велел мне побережь мальчишку, пока он обратно не прибудет... Да и когда ещё Володя вернётся и куда его направят! Ну, это там видно будет...

Майор Бахичев задремал и уснул. Серёжа Лабков всхрапывал во сне, как взрослый, проживший человек, и лицо его, отошедши теперь от горести и воспоминаний, стало спокойным и невинно счастливым, являя образ святого детства, откуда увела его война. Я тоже уснул, пользуясь ненужным временем, чтобы оно не проходило зря.

Проснулись мы в сумерки, в самом конце долгого июньского дня. Нас теперь было двое на трёх кроватях — майор Бахичев и я, а Серёжи Лабкова не было. Майор обеспокоился, но потом решил, что мальчик ушёл куда-нибудь на малое время. Позже мы прошли с ним на вокзал и посетили военного коменданта, однако маленького солдата никто не заметил в тыловом многолюдстве войны.

Наутро Сережа Лабков тоже не вернулся к нам, и бог весть, куда он ушёл, томимый чувством своего детского сердца к покинувшему его человеку — может быть, вослед ему, может быть, обратно в отцовский полк, где были могилы его отца и матери.

